

**ДЖОШУА
КЛАРК**

**ОДИН ВЕРДИКТ,
КОТОРЫЙ МОЖЕТ
ИЗМЕНИТЬ ВСЁ.**

ХИЗОНЕД

ОНИ НАЗЫВАЮТ ЭТО ПОМОЩЬЮ.
ОН — НАЗЫВАЕТ ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.

18+

Джошуа Кларк

Дело номер X

«Автор»

2026

Кларк Д.

Дело номер X / Д. Кларк — «Автор», 2026

Андрей Савельев — успешный московский юрист, привыкший доверять документам, фактам и логике. В пыльном архиве он случайно находит странное судебное дело: мать лишают ребенка не за преступление и не за жестокость, а потому, что ее объявили «сектанткой». В основе решения — сомнительное экспертное заключение, больше похожее на приговор инквизиции, чем на правовой документ. Обычная юридическая проверка превращается в опасное расследование. Шаг за шагом Савельев раскрывает механизм, где страх становится товаром, экспертиза — оружием, а слово «секта» — клеймом, способным уничтожить семью, карьеру и репутацию. Судебные процессы, закрытые центры, психологическое давление, международные связи, медийные кампании и идеологические структуры складываются в картину системы, претендующей на контроль над убеждениями людей. Но когда Андрей начинает собирать доказательства, система отвечает угрозами и слежкой. Теперь он не просто юрист, а свидетель — и, возможно, следующая жертва.

© Кларк Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Пыль на пальцах	8
Глава 2. Механизм ярлыка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джошуа Кларк

Дело номер X

Дело № X

Джошуа Кларк

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла либо авторской интерпретации. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Пыль на пальцах

Глава 2. Механизм ярлыка

Глава 3. Палата номер шесть

Глава 4. Паутина Европы

Глава 5. Тень свастики

Глава 6. Похитители душ

Глава 7. Огненный рубеж

Глава 8. Код убийцы

Глава 9. Агенты хаоса

Пролог

Комната была стерильной, словно операционная, хотя находилась в обычном загородном коттедже где-то под Тулой. Обои в мелкий цветочек, запах старого чая и пыли, плотно задернутые шторы, не пропускающие ни луча осеннего солнца. Елена сидела на диване уже третьи сутки. Или четвертые? Время здесь текло иначе, оно измерялось не часами, а циклами бесед.

Напротив неё, в глубоком кресле, сидел человек, которого представили как Игоря Петровича. У него было лицо, которое невозможно запомнить: водянистые глаза, аккуратный подбор, мягкий, обволакивающий голос. Он не кричал, не угрожал. Он просто «помогал разобраться».

— Леночка, — мягко произнес он, перелистывая блокнот. — Мы ведь не враги. Твоя мама там, на кухне, пьет корвалол. Ты же любишь маму?

Елена молчала. Горло пересохло настолько, что язык казался наждачной бумагой. Ей не давали спать. Как только голова начинала клониться к груди, Игорь Петрович или его сменщик — молодой, агрессивный парень по имени Стас — громко хлопали в ладоши или включали резкую музыку.

— Мы просто хотим понять, где произошел сбой, — продолжал Игорь Петрович, снимая очки и протирая их краем свитера. — Ты была умной девочкой. Институт, перспективы. А потом появились они.

Он никогда не называл их по имени. Только «они», «группа», «структура». Это было частью методики: лишить её друзей имен, превратить их в безликую массу, в опухоль, которую нужно вырезать.

— Это не секта, — прохрипела Елена. Это были её первые слова за последние шесть часов.

Игорь Петрович грустно улыбнулся, словно врач, услышавший от пациента глупость.

— Конечно, нет. Для тебя — нет. Это называется «бомбардировка любовью», Лена. Тебе кажется, что ты нашла смысл, но на самом деле твой мозг подвергся перекодировке. Ты не виновата. Ты жертва. А мы здесь, чтобы вернуть тебе твою личность. Ту, настоящую.

Он встал и подошел к окну, слегка отодвинув штору. Полоска света упала на пол, разрезая полумрак.

— Знаешь, что самое страшное? — он говорил спиной к ней. — Ты думаешь, что свободна в своем выборе. Но документы, которые у меня есть... — он кивнул на папку, лежащую на столе, — говорят об обратном. Твои новые друзья — это не просто кружок по интересам. Это часть огромного механизма. И ты в нем — даже не винтик. Ты смазка.

В комнату вошел Стас. Он принес поднос с едой, от запаха которой Елену замутило. Вареная курица, рис, сладкий чай.

— Ешь, — приказал Стас. В отличие от Игоря Петровича, он не играл в доброго дядюшку. — Нам нужны силы. Впереди долгий разговор о твоих финансах.

— Я ничего не подпишу, — тихо сказала она.

Игорь Петрович обернулся. Его лицо на мгновение утратило выражение скупающей благожелательности, став жестким, как гранитная плита.

— Подпишешь, Лена. Не сейчас, так завтра. Мы никуда не спешим. Твой паспорт у мамы, телефон... скажем так, потерялся. А для внешнего мира ты уехала на реабилитацию. Добровольно. У нас и бумага есть.

Он подошел к ней вплотную, наклонился.

— Пойми одну простую вещь. Нет никакой «свободы совести». Есть безопасность общества. И есть люди, которые решают, что безопасно, а что — нет. Мы — санитары леса, Лена. А ты... ты просто заблудилась.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стояла мать Елены. Её лицо было заплаканным, руки дрожали.

— Игорь Петрович, может, хватит? Она же еле сидит...

— Антонина Викторовна, выйдите! — голос «психолога» хлестнул как кнут. — Мы обсуждали это. Ломка — процесс болезненный. Вы хотите, чтобы она вернулась к ним? Чтобы она продала квартиру и отдала деньги гуру?

Мать всхлипнула и исчезла в коридоре. Дверь захлопнулась.

Елена закрыла глаза. В голове всплывали обрывки фраз, которые ей повторяли последние дни: «деструктивный культ», «психологическое насилие», «признание недееспособной». Слова-клейма. Слова-решетки. Она вспоминала своих друзей — улыбчивых, искренних, читающих книги, обсуждающих философию. Неужели это преступление?

— Давай вернемся к началу, — Игорь Петрович снова сел в кресло, открывая папку. — Расскажи мне о том дне, когда ты впервые пришла на лекцию. И не лги. Мы знаем всё. У нас есть отчеты.

Он вытащил фотографию. На ней Елена смеялась, стоя рядом с группой людей в парке. Фото было сделано с большого расстояния, явно скрытой камерой.

— Видишь этого человека справа? — палец Игоря Петровича с ухоженным ногтем ткнул в мужчину в светлой рубашке. Это не просто лектор. Это вербовщик. И мы его посадим. А ты будешь свидетелем. Или обвиняемой. Выбор за тобой.

Елена смотрела на фото. Это был обычный пикник. Они говорили о будущем, о том, как сделать мир добрее. Теперь этот момент, запечатленный на глянцевой бумаге, превратился в улику.

— Я хочу спать, — прошептала она.

— Сон нужно заслужить, — ответил Игорь Петрович, снова надевая маску заботливого наставника. Признание — это путь к исцелению. Скажи: «Меня обманули». Просто два слова. И мы выключим свет.

В углу комнаты мерно тикали часы. Тик-так. Тик-так. Каждая секунда отбивала ритм чьей-то чужой воли, медленно, слой за слоем, снимающей с неё кожу. Елена поняла: они не выпустят её, пока она не станет такой, как они хотят. Пустой. Послушной. Правильной.

Она еще не знала, что в сотнях километров отсюда, в пыльном московском архиве, один человек случайно наткнется на папку с похожим делом. И что её имя, написанное казенным почерком в заявлении о добровольной госпитализации, станет первой каплей в шторме, который вот-вот разразится.

Но сейчас была только комната, запах пыли и тихий, вкрадчивый голос, ломающий ей жизнь во имя её же спасения.

Глава 1. Пыль на пальцах

Андрей Савельев снял очки и потер переносицу. Часы на стене показывали половину девятого вечера. Нормальные люди в это время ужинают, смотрят новости или стоят в пробках по дороге домой, а он, тридцатипятилетний юрист с дипломом МГУ и репутацией человека, способного найти иголку в стоге сена, сидел в окружении архивных коробок.

Ему поручили рутину — «аудит бесперспективных активов». Так старший партнер называл дела, которые тянулись годами, не принося фирме ни денег, ни славы, но которые нельзя было просто выбросить из-за бюрократической инерции. Савельеву предстояло решить: в архив или в шредер копии, черновики и лишние распечатки.

Он потянулся к очередной папке. «Б. Е.В. Определение места жительства ребенка. Имущественный спор». Дело было рассмотрено несколько лет назад, но недавно всплыло вновь в связи с вопросами наследства. Андрей открыл папку, ожидая увидеть стандартный набор: справки о доходах, характеристики с места работы, акты обследования жилищных условий. Скучная проза семейных разводов.

Однако первый же документ, выпавший из файла, заставил его замереть.

Это было не судебное решение и не протокол судебного заседания. Это был увесистый том в мягкой обложке, подшитый к делу как «Приложение № 4». На титульном листе значилось: «Заключение специалиста». Ниже стояли фамилии, которые Савельеву ничего не говорили, и печать организации с длинным, тяжеловесным названием: «Центр религиоведческих исследований...».

Андрей хмыкнул. В семейных спорах обычно фигурируют психологи, иногда наркологи. Но религиоведы?

Он начал читать. Сначала бегло, по диагонали, как привык просматривать договоры аренды. Но уже на третьей странице его профессиональный цинизм сменился недоумением, а к десятой — холодным, липким ощущением нереальности происходящего.

Текст был написан языком, который не имел ничего общего с юриспруденцией. Это была смесь средневекового трактата о демонологии и плохой публицистики из желтой газеты.

«...Объект исследования демонстрирует признаки глубокой личностной деформации, вызванной вовлечением в деструктивный культ...» — гласили строки.

Савельев перевернул страницу. Речь шла о молодой женщине, Елене Б. Судя по материалам дела, она была дистрибьютором Herbalife и посещала занятия в московском Каббала-центре. Для Андрея, человека светского и прагматичного, это звучало как описание типичного представителя среднего класса, ищущего себя. Сетевой маркетинг и модное эзотерическое увлечение. Банально? Да. Преступно? С точки зрения закона — нет.

Но авторы «заключения» считали иначе.

Андрей наткнулся на фразу, которую перечитал дважды, не веря своим глазам. В тексте, который лег, как следовало из материалов, среди прочего использовался при вынесении судебного решения об отнятии ребенка у матери, черным по белому было написано:

«Вера матери является социальной болезнью, требующей изоляции индивида от объекта воспитания во избежание инфицирования».

— Социальная болезнь, — прошептал Савельев, пробуя слова на вкус. Они отдавали горечью.

Он встал, прошелся по тесной комнате, налил себе воды из кулера. Пластиковый стаканчик хрустнул в пальцах. В юридической практике термин «болезнь» имеет четкие критерии, определенные МКБ-10. Нет диагноза «социальная болезнь». Это была метафора, литературный троп, который кто-то осмелился вставить в документ, решающий судьбу живого человека.

Андрей вернулся к столу и начал читать внимательнее, уже с карандашом в руке. Он искал факты. Юрист в нем требовал доказательств: где свидетельства насилия над ребенком? Где медицинские справки о побоях? Где протоколы о том, что мать не кормила сына или оставляла его в опасности?

Их не было.

Вместо этого двести страниц текста были посвящены анализу... книг. Эксперт по фамилии Воат, сотрудник некой организации РАЦИРС, с дотошностью инквизитора разбирал брошюры по сетевому маркетингу, находя в призывах к успешным продажам «оккультные корни» и «магическое мышление».

«Сравнение представителей компании с ведунами и колдунами...» — прочитал Андрей вслух. — Серьезно? В двадцать первом веке?

Но самое страшное было не в абсурдности обвинений. Самое страшное скрывалось в резолютивной части. Суд принял этот бред. Судья, человек с высшим юридическим образованием, наделенный властью от имени Российской Федерации, не выбросил эту писанину в корзину, отнесся к ней как к доказательству, с которым следовало считаться.

Андрей почувствовал, как внутри закипает профессиональная злость. Он ненавидел некомпетентность. Но здесь было что-то хуже некомпетентности. Здесь была система.

Он полез в коробку и достал протоколы судебных заседаний. Ему нужно было понять, как это происходило в зале суда.

Стенограмма была сухой, но за скупыми строками секретаря проступала драма. В качестве свидетелей со стороны мужа выступали люди, которых Елена видела впервые. Некий Евгений Ошмарин, представленный как заместитель руководителя миссионерского отдела епархии. И некто Александр Дворкин, заявленный как «профессор» и «ведущий эксперт».

Савельев нахмурился. Имя Дворкина показалось ему смутно знакомым. Кажется, он видел его в каких-то ток-шоу, где кричали и перебивали друг друга.

В протоколе было зафиксировано: «Свидетель Дворкин А.Л. показал, что ответчица Б. Е.В. является адептом тоталитарной секты. На вопрос защиты, знаком ли свидетель с ответчицей лично, ответил отрицательно, пояснив, что для квалификации её состояния личное знакомство не требуется, так как структура личности сектанта типична».

— Типична, — повторил Андрей. — Значит, презумпция невиновности отменена? Личность стирается, остается типаж?

Он начал искать данные об этих «экспертах». В век интернета это было делом пяти минут, но Савельев предпочитал официальные базы данных и открытые биографические справки. Результат поиска заставил его откинуться на спинку кресла.

Эксперт-религиовед, подписавший заключение о «социальной болезни», не имел профильного религиоведческого образования. У него не было диплома государственного образца по специальности «психиатрия» или «клиническая психология». Его квалификация подтверждалась лишь внутренними сертификатами той самой организации РАЦИРС и дипломами негосударственного теологического учреждения.

— Они работают по вызову, — понял Савельев. — Как клининговая компания. Только вместо грязи они зачищают людей.

В деле Елены Б. была еще одна деталь, от которой веяло холодом. Муж Елены, который и инициировал процесс, нанял адвоката Александра Корелова. Савельев проверил и это имя. Корелов оказался не просто адвокатом, а человеком из того же профессионального круга: в открытых материалах он фигурировал как председатель юридического комитета при РАЦИРС.

Получается, муж платит деньги. Адвокат из «своих» подает иск. «Эксперт» из «своих» пишет заключение, что мать — сектантка. «Свидетель» из «своих» подтверждает это в суде, не будучи знакомым с жертвой. Судья принимает решение. Ребенок оказывается отрезан от матери юридической формулой.

Это был не суд. Это был спектакль, разыгранный по нотам, где финал был написан еще до того, как поднялся занавес.

Андрей потер виски. Голова начинала болеть от сперттого воздуха и тяжести прочитанного. Ему захотелось выйти на улицу, под дождь, смыть с себя ощущение грязи. Но профессиональное любопытство — черта, которая погубила не одного архивиста, заставило его открыть еще одну папку.

Он вспомнил, что полгода назад видел похожее дело в архиве коллеги. Там речь шла о деле, где юридический спор неожиданно превращался в разговор о «культах», «адептах» и «психологической зависимости».

Савельев прошел к соседнему стеллажу. Коробка «Арбитраж 2011-2012». Он перебрал файлы. Вот оно. Дело о признании книги экстремистским материалом. «Бхагавад-гита как она есть».

Андрей открыл папку. И увидел знакомый механизм. Одно дело касалось матери, у которой через суд забирали право быть рядом с ребенком. Второе — книги, которую пытались объявить экстремистской. Разные предметы, разные процедуры, разные эксперты — но одна и та же оптика: сначала ярлык, потом поиск доказательств под ярлык.

Тексты были очень схожи: опасность, заражение, разложение, скрытая угроза обществу.

Это было похоже на промышленное производство. Кто-то создал универсальный шаблон, «болванку», в которую нужно было только вписать имя жертвы — будь то женщина, продающая биодобавки, или древний религиозный текст. Аргументация почти не нуждалась в изменениях.

Взгляд Андрея зацепился за цитату в одной из распечаток, вложенных в папку как справочный материал:

«Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром».

Савельев перечитал фразу. В ней была какая-то детская, комиксовая наивность. «Власть над миром». Так говорят злодеи в фильмах про Джеймса Бонда. Так не пишут в научных заключениях. Это утверждение подавалось как аксиома, не требующая доказательств.

— Если каждая секта стремится к власти над миром, — рассуждал Андрей вслух, обращаясь к пыльным полкам, — то почему Елена Б., стремящаяся к мировому господству, всего лишь пыталась вернуть своего сына и поделить «двушку» в Перми? Где здесь масштаб?

Он начал листать приложение к экспертизе. Там были ссылки на источники. И снова — замкнутый круг. Эксперт Воат ссылался на книги Дворкина. Дворкин в своих книгах ссылался на газетные статьи, инициированные его же пресс-релизами. Это была самоподдерживающаяся система лжи, змея, кусающая себя за хвост.

Андрей нашел в папке письмо Елены. Оно было написано от руки, неровным почерком, видимо, в перерыве между заседаниями. Бумага пожелтела, чернила местами выцвели.

«Я не видела сына три месяца. Они говорят, что я опасна. Но я просто хотела, чтобы он был здоров. Муж украл его. Он даже не говорит мне, где они. А этот человек, Дворкин, он смотрел на меня в суде так, словно я не человек, а насекомое. Он говорил, что я зомбирована. Но я помню, как он улыбался адвокату мужа. Они шутили перед заседанием. Для них это просто работа. А для меня это жизнь...»

Савельев отложил письмо. Перед глазами встала картина: зал суда, казенная мебель, женщина, сжимающая в руках платок, и группа уверенных в себе мужчин в дорогих костюмах, которые с легкостью жонглеров перебрасываются терминами «деструктивный культ», «психологическое насилие», «социальная опасность».

Они не просто выигрывали дела. Они создавали новую реальность. Реальность, в которой любого человека можно объявить сумасшедшим или опасным не на основании медицинских фактов, а на основании того, какие книги он читает или какие витамины пьет.

Андрей посмотрел на свои руки. Пальцы были серыми от архивной пыли. Ему показалось, что эта пыль въелась в кожу, проникла в поры.

Он вспомнил еще одну деталь из дела Б. В материалах упоминалось, что муж Елены, «спасая» её от секты, сам оказался под влиянием этих «консультантов». Елена писала, что он потратил огромные суммы на оплату их услуг, продал машину, влез в долги. «...Его зомбировали, причем за его же деньги», — писала она.

Ирония была убийственной. Борясь с мнимой эксплуатацией, «борцы с культами» сами выкачивали ресурсы из семей, разрушая их до основания. Это был бизнес на страхе. Идеальный бизнес. Вы придумываете угрозу, а потом продаете защиту от неё.

Савельев закрыл папку «Б.». Звук захлопнувшейся картонной обложки прозвучал в тишине офиса как выстрел.

Он понимал, что должен просто составить опись и сдать дело в архив. Оно рассмотрено. Сроки апелляции прошли. Система перемолола их и выплюнула.

Но что-то не давало ему покоя. Какая-то заноза в мозгу.

Андрей подошел к окну. Дождь усилился, капли барабанили по стеклу, размывая огни ночной Москвы. Где-то там, в этом огромном городе, ходили эти люди — Дворкин, Корелов, Воат. Они читали лекции, писали новые «экспертизы», выступали на телевидении. Они называли себя защитниками общества.

Савельев вернулся к столу и взял смартфон. Он вбил в поиск название организации: «РАЦИРС». Экран высветил список новостей. Конференции, круглые столы, встречи с чиновниками Минюста. На фотографиях — респектабельные лица, рукопожатия, трибуны с гербами.

— Экспертный совет при Министерстве юстиции, — прочитал Андрей.

Холодок пробежал по спине. Дворкин не просто частное лицо. Он возглавлял в тот период Экспертный совет. Человек без профильного образования, использующий псевдонаучную риторику о «мировом господстве», получил право решать, какая религия правильная, а какая — нет, на государственном уровне.

Это меняло всё.

Если в деле Б. это была трагедия одной семьи, то на уровне Минюста это становилось угрозой для миллионов. Любая книга, любая группа, любое сообщество могли попасть под этот каток. Достаточно было заказать «экспертизу» у нужных людей.

Андрей посмотрел на стопку папок на столе. Теперь они не казались ему скучным мусором. Это были кирпичики в стене, которую кто-то старательно возводил вокруг здравого смысла.

Он вытащил из кармана флешку. Обычно он не копировал материалы чужих дел без поручения — это было нарушением корпоративной этики. Но сегодня этика казалась понятием относительным. Если закон используется как дубина, то что такое нарушение инструкции?

Он начал сканировать документы. Страница за страницей. «Заключение специалиста». Протокол судебного заседания. Письмо Елены. Чеки об оплате услуг адвоката.

Сканер жужжал монотонно и успокаивающе. Луч света пробежал по бумаге, превращая физическую ложь в цифровую правду.

Когда последняя страница была отсканирована, Андрей спрятал флешку во внутренний карман пиджака, ближе к сердцу. Он еще не знал, что будет делать с этой информацией. Он не был героем-расследователем, он был просто юристом, который любил логику и ненавидел, когда его держат за идиота.

Он выключил свет в кабинете. Темнота мгновенно поглотила стеллажи, коробки и столы. Только индикатор пожарной сигнализации мигал красным глазом под потолком.

Уходя, Андрей бросил последний взгляд на папку с фамилией «Б.». Она лежала на краю стола, словно немая улика.

В коридоре было пусто. Охранник на входе дремал, уткнувшись в кроссворд. — Дождь всё идет? — спросил он, не поднимая головы. — Идет, — ответил Савельев. — И, кажется, надолго.

Он вышел на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, но не принес облегчения. Андрей чувствовал, что пыль с тех страниц никуда не делась. Она осталась на кончиках пальцев, невидимая, но осязаемая. И он знал: просто отмыть руки уже не получится.

В кармане вибрировал телефон. Пришло сообщение от коллеги: «Андрей, ты видел новости? В Томске опять суд по какой-то книге. Говорят, экстремизм. Нужна консультация».

Савельев остановился посреди мокрого тротуара. Томск. Книга. Экстремизм. Он вспомнил «Бхагавад-гиту». Вспомнил знакомую риторику: опасность, секта, экстремизм, защита общества. Пазл начинал складываться, и картинка, которая проступала сквозь туман, была пугающей.

Он не ответил на сообщение. Вместо этого он поднял воротник пальто и шагнул в темноту, чувствуя, как флешка в кармане нагревается от тепла его тела, словно маленькая радио-активная капсула. Расследование началось, хотя он сам еще не до конца это осознал.

Глава 2. Механизм ярлыка

Утро не принесло ясности, оно принесло лишь головную боль и ощущение песка в глазах. Андрей Савельев сидел на кухне своей холостяцкой квартиры, глядя, как в чашке с остывшим кофе растворяются остатки вчерашней уверенности в том, что мир устроен логично. На столе лежал ноутбук, экран которого светился холодным голубым светом, высвечивая открытый файл с лаконичным названием «Томский прецедент».

После ночи в архиве, где он наткнулся на дело Елены Б., Савельев не смог уснуть. Сообщение коллеги о суде в Томске стало тем триггером, который заставил его открыть «ящик Пандоры». Если в случае с Еленой речь шла о трагедии одной семьи, то материалы, которые он собирал теперь из юридических баз, судебных публикаций, старых новостных заметок и сохраненных копий удаленных страниц, рисовали картину сюрреалистического масштаба.

Андрей сделал глоток. Кофе был горьким, как и правда, которую он пытался переварить.

В центре экрана висел скан заявления прокурора. Прокуратура города Томска требовала признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть». Савельев, человек далекий от восточной мистики, знал, что «Бхагавад-гита» — это памятник литературы, часть эпоса «Махабхарата», древний религиозно-философский текст. Его читали Толстой, Ганди, многие европейские мыслители. И вот теперь, в двадцать первом веке, в сибирском городе, прокурор на полном серьезе утверждал, что русскоязычное комментированное издание этого текста разжигает ненависть.

— Ненависть к кому? — спросил Андрей тишину кухни. — К Кауравам? К демонам древности?

Он начал читать обоснование заявления. И снова, как и в деле Б., фундаментом обвинения служила «комплексная экспертиза». Но если в прошлый раз это была трагедия некомпетентности, то здесь разворачивался фарс.

Авторами заключения, которое легло в основу государственного обвинения, значились три фамилии: Сергей Аванесов, Валерий Свистунов и Валерий Наумов. Все трое — сотрудники Томского государственного университета. Звучало солидно. «Наука против мракобесия», — так, вероятно, это должно было выглядеть в заголовках газет.

Однако Савельев, привыкший проверять каждую запятую в договорах, начал проверять регалии.

Сергей Аванесов — декан философского факультета, философ, связанный также с церковно-академической средой. Валерий Свистунов — философ. Валерий Наумов — филолог. Ни один из них не был индологом. Ни один не знал санскрита. Это было все равно что поручить ветеринару проводить операцию на открытом сердце, аргументируя это тем, что он тоже врач.

Андрей нашел стенограмму опроса экспертов в суде. Чтение напоминало пьесу абсурда.

«Вопрос защиты: Вы читали исследуемую книгу до начала экспертизы? Ответ эксперта Свистунова: Раньше не читал. Ознакомился в процессе».

Савельев нервно рассмеялся. Эксперт признавался, что судит о книге, которую впервые открыл по заказу опроса. Но дальше было еще интереснее. Свистунов, не стеснясь, сообщил суду, что задачу воспринял «творчески». Поскольку времени было мало, а текст сложный, он использовал дополнительные материалы.

Какие? Научные монографии? Труды Института востоковедения РАН?

Нет. Он читал полемические публикации и материалы антисектантского толка.

Андрей выделил этот фрагмент курсором. Это был момент истины. Государственная экспертиза, документ, способный запретить комментированное издание, важное для миллионов верующих, была, по сути, сшита из вторичных и явно недружественных источников. Эксперты

даже не скрывали, что ориентировались не только на сам текст, но и на материалы людей, заранее настроенных против кришнаитов.

— Плагиат как метод правосудия, — пробормотал Савельев.

Он открыл другую вкладку. Там было сообщение, в котором позиция ТГУ звучала предельно осторожно. Университет, узнав о скандале, поспешил откреститься от своих сотрудников. В справке черным по белому значилось: университет не уполномочивал Аванесова, Сви-
стунова и Наумова на проведение этой экспертизы. Это была их «частная инициатива».

Но кто оплачивает такую инициативу? Кто заказывает музыку в этом театре абсурда?

Ответ нашелся в показаниях самого Аванесова. Видимо, прижатый к стенке вопросами защиты, он проговорился. С просьбой дать заключение к нему обратился не рядовой гражданин, а сотрудник УФСБ России по Томской области Дмитрий Великоцкий, как следовало из пересказов судебных материалов.

Савельев откинулся на спинку стула. Пазл сложился, и картинка была пугающей.

Это уже не походило на чистую инициативу «бдительной общественности»; скорее — на ведомственную комбинацию, прикрытую частной экспертизой. Офицер спецслужбы находит лояльных ученых (один из которых преподает в семинарии, что уже намекает на конфликт интересов), заказывает им «частное мнение», а затем прокуратура, размахивая этим мнением как флагом, идет в суд.

Цель? Защита конституционного строя? От кого? От людей, которые поют мантры и раздают вегетарианское печенье?

Андрей вернулся к тексту экспертизы. Ему нужно было понять логику обвинения. В чем именно заключался «экстремизм»?

Формулировки были скользкими, как намыленная змея. Эксперты утверждали, что книга пропагандирует «исключительность» своей веры.

— Но позвольте, — Савельев, словно находясь в зале суда, начал мысленный диалог. — Разве «Я есть Путь, и Истина, и Жизнь» — это не утверждение исключительности? Разве «Нет Бога, кроме Аллаха» — это не утверждение исключительности? Любая религия по определению считает свой путь верным. Если это экстремизм, то нужно запрещать всё, начиная с Библии.

Но томские эксперты пошли дальше. Они нашли в тексте слово «глупец». В комментариях переводчика говорилось, что люди, живущие только ради материальных благ, подобны глупцам.

«Унижение достоинства социальной группы по признаку отношения к религии», — гла-
сил вердикт экспертов.

Андрей представил, как прокурор с серьезным лицом зачитывает это обвинение. Получалось, что «материалисты» — это теперь защищаемая законом социальная группа, которую нельзя называть глупцами даже в философском трактате.

— Оруэлл отдыхает, — подумал он. — Это уже не «1984», это «Алиса в Зазеркалье».

Но зазеркалье имело вполне реальные последствия. Савельев нашел новости того периода. Суд в Томске вызвал эффект разорвавшейся бомбы. Но не в России, а в Индии.

Заголовки кричали: «Индийский парламент прерывал заседания из-за скандала», «Протесты у российских дипломатических представительств», «Индийские политики требуют реакции Москвы».

Андрей смотрел на фотографии протестующих индусов. Они держали плакаты с надписями «Бог не может быть под судом». Для них это было не юридическим казусом, а плевром в душу. Священную, которую многие индусы воспринимают как духовную опору, в России пытались внести в тот же федеральный список экстремистских материалов, где уже находились откровенно человеконенавистнические тексты.

— Браво, — мрачно произнес Савельев. — Геополитическая катастрофа ценой в три копейки.

Он попытался найти, кто же был тем «серым кардиналом», который подтолкнул ФСБ и прокуратуру к этому безумию. Офицер Великоцкий был исполнителем. Эксперты — инструментом. Но кто был идеологом?

Поисковик выдал ссылку на портал «К Истине». Сайт выглядел как привет из девяностых: аляповатый дизайн, кричащие шрифты, бесконечные списки «врагов». Владелец и главным автором значился Максим Степаненко, руководитель миссионерского отдела местной епархии.

Савельев начал читать его статьи. Это был поток чистого, незамутненного сознания. Степаненко писал резко, полемически, с той особой уверенностью человека, который сначала выносит приговор, а потом подбирает к нему аргументы. Но самое интересное было в его бахвальстве.

В одной из статей, написанной уже после начала скандала, Степаненко с гордостью признавал свою роль. Он называл себя «безграмотным блогером» (видимо, иронизируя над критикой ученых), но тут же перечислял свои заслуги: «Мною написано почти 170 статей... организован приезд профессора Александра Дворкина... создан специальный раздел, посвященный суду...»

Вот оно. Имя Дворкина снова всплыло, как поплавок.

Степаненко был полевым командиром. Он создавал информационный шум, писал обращения, нагнетал истерию. Он готовил почву. А потом на эту почву высаживался десант «экспертов» и силовиков.

Савельев нашел еще одну деталь, которая заставила его поморщиться. Когда первая экспертиза (та самая, от философов и филологов ТГУ) начала разваливаться в суде под давлением защиты и общественности, прокуратура не отступила. Она добилась назначения новой экспертизы. В Кемеровском государственном университете.

— Если факты не подходят под теорию, нужно купить новые факты, — резюмировал Андрей.

Кемеровская экспертиза была шедевром казуистики. В ней участвовали религиовед Алексей Горбатов, лингвист Михаил Осадчий и психолог Сергей Дранишников; при этом именно выводы Осадчего и Дранишникова выглядели для обвинения наиболее удобными. В их заключении появились термины, от которых веяло холодом судебных троек 30-х годов.

Они утверждали, что книга содержит «манипуляцию сознанием» и пропагандирует «интеллектуальную и социальную неполноценность» тех, кто не принимает обосновываемые в книге религиозные ценности.

Андрей открыл текст рецензии на эту экспертизу, написанную московским профессором. Там указывалось на удивительный факт: лингвистическая и психологическая части экспертизы местами подозрительно перекликались формулировками.

— Копипаст, — констатировал Савельев. — Они даже не удосужились развести профессиональные языки психолога и лингвиста так, чтобы это выглядело как две независимые части работы. Какая разница? Главное — вывод.

Вывод был нужен любой ценой. Система не умела признавать ошибки. Если прокурор подал заявление, он должен выиграть. Иначе — пятно на мундире. И ради чистоты этого мундира они были готовы поспорить с ядерной державой, Индией, и выставить российское правосудие на посмешище всему миру.

Савельев встал и подошел к окну. Дождь кончился, но небо оставалось серым, тяжелым, давящим.

Он думал о понятии «секта». В российском законодательстве этого слова нет. Нет юридического определения «тоталитарная секта». Нет критериев «деструктивного культа».

Но есть практика.

Практика, в которой группа частных лиц, назвавших себя «сектоведами», придумала свой собственный язык, свою терминологию. Они взяли наукообразные слова — «манипуляция», «зомбирование», «контроль сознания» — и наполнили их своим смыслом.

Для них «секта» — это любой, кто не они.

И самое страшное, что государство приняло эти правила игры. Прокуроры, судьи, сотрудники ФСБ — люди, которые должны руководствоваться Уголовным кодексом, — начали говорить на языке Дворкина и Степаненко. Они начали искать «психологическое насилие» там, где была просто проповедь. Они начали видеть «экстремизм» в книгах о любви к Богу.

Андрей вернулся к столу. Ему на глаза попала цитата уполномоченного по правам человека в Томской области Нелли Кречетовой. Она была одной из немногих чиновников, кто осмелился назвать вещи своими именами.

«Считаю абсурдной саму постановку вопроса... Возможный запрет книги нарушит конституционные права граждан... Здравый смысл должен восторжествовать».

— Здравый смысл, — усмехнулся Савельев. — Нелли Степановна, вы оптимист.

В этой истории здравый смысл был первой жертвой. Его убили еще на этапе составления заявления, когда прокурор поверил «эксперту», который, как минимум, не был специалистом по традиции, внутри которой существовала книга.

Андрей начал просматривать подшивку журналистских расследований и справок о международных антисектантских сетях. Там постоянно мелькали одни и те же аббревиатуры, фонды, конференции, поездки, экспертные советы. Борьба с «сектами» оказывалась не только идеологией, но и инфраструктурой: лекции, гранты, консультации, методички, зарубежные партнёры.

Среди спонсоров различных «антисектантских центров» мелькали фонды с очень интересными названиями. Некоторые нити вели за рубеж.

Это было парадоксально. «Борцы с культами» громче всех кричали о том, что секты — это агенты иностранного влияния, шпионы ЦРУ, разрушители духовных скреп. Но при этом сами они использовали методички, разработанные на Западе, сотрудничали с европейскими организациями — какая-то FECRIS, название мелькнуло в одном из документов, — и охотно пользовались международной легитимацией, когда она была им выгодна.

— Держи вора, — прошептал Андрей. — Громче всех кричит тот, кто украл.

Он вспомнил лицо Дворкина на видеозаписи с одного из публичных выступлений. Тот сидел уверенно, с легкой полуулыбкой, словно знал наперед, чем все закончится. Он не был похож на фанатика. Он был похож на менеджера. Менеджера по продажам страха.

Савельев понял, что имеет дело не с религией и не с идеологией. Он имеет дело с бизнес-моделью.

Схема была гениально проста:

Создать образ врага (страшная секта, которая зомбирует ваших детей).

Напугать общество и государство (они хотят захватить власть!).

Предложить свои услуги по борьбе с этим врагом (экспертизы, лекции, реабилитация).

Получить бюджет.

Повторить.

В этой схеме не было места людям. Елена Б., лишенная ребенка, томские кришнаиты, которых таскали по судам, — они были просто топливом. Расходным материалом для работы огромной машины по утилизации инакомыслия.

Андрей почувствовал, как внутри нарастает холодная ярость. Он не был правозащитником, он не любил пафосных речей. Но он ненавидел, когда его держат за идиота. А вся эта история с «экспертизами» была одним большим плевком в лицо любому, кто умеет думать.

Он сохранил все файлы на жесткий диск. Затем скопировал их на ту же флешку, где лежало дело Б. Теперь это была не просто коллекция документов. Это было досье.

В папке «Кемерово» он наткнулся на еще один документ — служебную записку с пометками о сроках, исполнителях и оплате работы. Сумма была достаточно заметной, чтобы Андрей снова подумал: экспертиза — это не только мнение, но и услуга.

— Хороший бизнес, — сказал Андрей вслух. — Рентабельность зашкаливает.

Внезапно экран ноутбука мигнул. Интернет-соединение прервалось. Андрей посмотрел на роутер — лампочки горели ровно. Он попробовал обновить страницу — «Нет подключения к сети».

Совпадение? Возможно. В старом доме проводка шалила часто.

Но тут завибрировал телефон. Незнакомый номер.

Савельев помедлил секунду, глядя на экран. Интуиция, выработанная годами работы с корпоративными конфликтами, шепнула: «Не бери». Но любопытство было сильнее.

— Да? — ответил он.

— Андрей Николаевич? — голос был мужским, спокойным, с едва заметной хрипотцой. Не угрожающим, а скорее деловым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.